

На правах рукописи

Кучко Валерия Станиславовна

**СЕМАНТИКО-МОТИВАЦИОННОЕ ПОЛЕ «ЛОЖЬ, ОБМАН»
В ЯЗЫКОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ
РУССКИХ НАРОДНЫХ ГОВОРОВ**

Специальность 10.02.01 – русский язык

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Екатеринбург – 2017

Работа выполнена на кафедре русского языка и общего языкознания Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина»

Научный руководитель: доктор филологических наук,
член-корреспондент РАН, профессор
Березович Елена Львовна

Официальные оппоненты: **Дзюба Елена Вячеславовна**
доктор филологических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет»
(г. Екатеринбург), доцент кафедры
межкультурной коммуникации, риторики и
русского языка как иностранного

Ясинская Мария Владимировна
кандидат филологических наук, ФГБУН
Институт славяноведения РАН (г. Москва),
научный сотрудник Отдела этнолингвистики
и фольклора

Ведущая организация: ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет»

Защита состоится 30 ноября 2017 г. в 11-00 час. на заседании диссертационного совета Д 212.285.15 на базе ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина» по адресу: 620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51, зал заседаний диссертационных советов, ком. 248.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина», <http://lib.urfu.ru/mod/data/view.php?id=51&rid=271598>

Автореферат разослан “ ___ ” _____ 2017 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
доктор филологических наук,
доцент

Е. Е. Приказчикова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Обман – явление, затрагивающее многие сферы жизни человека. Он имеет сложную природу, будучи одновременно ментальным и поведенческим актом, существуя в различных видах – вранье, клевета, притворство, лесть, мошенничество, измена в любви и др. Обман и ложь можно рассматривать как категории истинностные, этические, аксиологические, правовые и психологические. Столь значимый феномен, безусловно, имеет широкое и вариативное языковое воплощение. В настоящем исследовании осуществляется комплексный семантико-мотивационный анализ русской диалектной лексики и фразеологии, репрезентирующей понятия обмана и лжи. Изучение особенностей семантики «обманных» слов и фразеологизмов, мотивационных стимулов для их образования, смысловых и этимологических связей со словами других тематических сфер способствует воссозданию важного фрагмента традиционной языковой картины мира, отражающего представления об обмане.

Задачи такого рода, связанные с обнаружением запечатленных в языке этнокультурных представлений о явлениях действительности, решаются в рамках этнолингвистического подхода к изучению языкового материала, который принят в трудах Т. А. Агапкиной, Н. П. Антропова, Е. Бартминьского, О. В. Беловой, С. М. Беляковой, Е. Л. Березович, Т. Н. Бунчук, Л. Н. Виноградовой, Т. В. Володиной, А. В. Гуры, Л. П. Дроновой, М. В. Жуйковой, Г. И. Кабаковой, И. Б. Качинской, В. И. Ковалева, В. Б. Колосовой, Н. И. Коноваловой, А. Б. Мороза, С. Е. Никитиной, И. А. Подюкова, С. П. Праведникова, И. И. Русиновой, И. А. Седаковой, Н. И. Толстого, С. М. Толстой, А. Т. Хроленко, О. А. Черепановой, А. В. Юдина, Е. И. Якушкиной и др. Принципам семантико-мотивационного описания русской диалектной лексики и ономастики для реконструкции фрагментов народной картины мира следуют работы, выполненные уральскими этнолингвистами: это труды Е. Л. Березович, Е. Д. Бондаренко (Казаковой), Е. О. Борисовой, К. С. Верхотуровой, А. А. Едалиной, М. А. Ереминой, Ю. А. Кривошаповой, Т. В. Леонтьевой, О. В. Моргуновой (Атрошенко), К. В. Осиповой (Пьянковой), И. В. Родионовой, М. Э. Рут, О. Д. Суриковой, А. В. Тихомировой, Л. А. Феокистовой, Е. В. Шабалиной и др. К этой школе относит себя и автор настоящей диссертации.

Семантико-мотивационная реконструкция нередко осуществляется с опорой на этимологический анализ. Этимологизация языковых единиц с учетом этнокультурного контекста, в котором существуют называемые ими реалии, характерна для трудов А. Е. Аникина, М. Белетич, Ж. Ж. Варбот, А. Ф. Журавлева, Н. В. Кабининой, Л. В. Куркиной, А. Ломы, А. К. Матвеева, В. А. Меркуловой, О. В. Мищенко, С. А. Мызникова, С. М. Толстой, В. Н. Топорова, О. Н. Трубачева, М. Якубович, И. Янышковой и др.

Объект исследования – лексика и фразеология русских народных говоров, называющая обманные явления. Совокупность языковых единиц, имеющих общую сему ‘относящийся к обману’, формирует в лексическом пространстве отдельное семантическое поле. Структурная организация поля «Ложь, обман», его связи с другими полями, а также особенности семантики и мотивации входящих в него единиц представляют собой **предмет** настоящей работы.

Цель диссертации – выявление семантико-мотивационного своеобразия лексических и фразеологических единиц со значением обмана в русской языковой традиции (народных говорах и общенародном языке), что позволит реконструировать традиционные представления об обмане.

Для достижения этой цели ставятся следующие **задачи**:

- 1) выявить корпус диалектных лексических и фразеологических номинаций русского языка, имеющих в значении сему ‘относящийся к обману’;
- 2) охарактеризовать их с точки зрения специфики реализации в них «обманного» значения и изучить структуру семантического поля;
- 3) выявить актанты ситуации обмана и оценить роль каждого из них;
- 4) определить набор предметно-тематических кодов, лежащих в основе поля «Ложь, обман» и дающих представление о сферах действительности, с которыми носители традиции связывают ситуацию обмана и ее составляющие;
- 5) определить набор мотивов, реализующихся в лексике поля «Ложь, обман», и описать их иерархическую организацию;
- 6) представить этимологический комментарий к базовым лексемам со значением обмана в славянских языках;
- 7) дать мотивационно-этимологический комментарий для «темных» лексем в русских народных говорах;
- 8) охарактеризовать значимые для носителей традиционной культуры представления о различных сторонах обмана, воплощенные в языке.

Среди **методов и процедур анализа** основное место в работе занимает семантико-мотивационная реконструкция, подразумевающая при изучении языковых фактов опору на семантические параллели и воспроизводимые мотивационные модели, идеографическая и мотивационная классификация материала, приемы контекстного, компонентного, этимологического анализа лексики.

Материалом для данной работы служит диалектная лексика (включая фразеологию) русского языка, которая обладает семантикой, выражающей понятие обмана. Кроме того, к анализу привлекались единицы литературного языка и общерусского просторечия, составляющие общенародный языковой фонд. Факты жаргона рассматривались в редких случаях при необходимости проведения семантических или мотивационных параллелей. В некоторых случаях в качестве иллюстрации к выводам, сделанным на основании системных языковых данных, приводились паремиологические данные.

Источниками материала стали словари русской диалектной лексики и фразеологии. Были охвачены как сводные общерусские собрания диалектной лексики («Словарь русских народных говоров», «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля), так и словари, посвященные отдельным регионам. Путем фронтального просмотра извлечены единицы из «Словаря говоров Русского Севера», «Архангельского областного словаря», «Новгородского областного словаря», «Ярославского областного словаря» и «Словаря смоленских говоров»; для направленного просмотра привлекались «Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей», «Словарь вологодских говоров», «Словарь русских говоров Среднего Урала» и др.

Были фронтально просмотрены также словари диалектной фразеологии («Фразеологический словарь русских говоров Нижней Печоры», «Фразеологический словарь русских говоров Сибири», «Фразеологический словарь пермских говоров», «Словарь псковских пословиц и поговорок», «Материалы для идеографического словаря новгородских фразеологизмов», «Фразеологический словарь русских говоров республики Коми», а также «Большой словарь русских поговорок» под ред. В. М. Мокиенко и Т. Г. Никитиной, включающий наряду с диалектными единицами факты жаргона и общенародного просторечия).

Корпус языковых единиц извлечен также из неопубликованных картотек Топонимической экспедиции Уральского университета (ТЭ УрФУ) – картотеки «Словаря говоров Русского Севера» (Архангельская и Вологодская области) и картотеки лексики, собранной на территории Костромской области, которые хранятся на кафедре русского языка и общего языкознания Уральского университета. В полевых выездах ТЭ УрФУ в 2011–2017 гг. принимал участие автор настоящей диссертации.

Понятия обмана и лжи и их языковые репрезентанты неоднократно становились объектом лингвистического анализа.

Ложные высказывания изучаются с позиций психолингвистики (О. М. Попчук, В. И. Шаховский); лингвопрагматики и дискурсивного анализа (А. В. Ленец, С. Н. Плотникова). Такие исследования нацелены на изучение функционирования высказываний в речи и тексте и позволяют разрабатывать инструментарий для их оценки с точки зрения истинности / ложности. Задачи выявления национально-культурной и универсальной составляющих концептов обмана и лжи решаются нередко на материале соответствующих пословиц и поговорок, иногда в сопоставительном аспекте (О. Б. Абакумова, В. Высочаньский, Н. Н. Панченко, Ю. А. Храмова, П. Цзянькунь). Слова и выражения со значением обмана служат предметом изучения когнитивной лингвистики и семантики. В фокусе внимания соответствующих статей оказываются единицы литературного языка со значением обмана (ср. работы Н. Д. Арутюновой, А. Вежбицкой, Г. И. Кустовой, А. Д. Кошелева, И. Б. Шатуновского, А. Д. Шмелева и др.). В частности, статьи некоторых упоминаемых авторов помещены в сборник «Лексический анализ языка. Между

ложью и фантазией»¹, специально посвященный изучению отклонения от истины в разных видах дискурса. Существенную роль в изучении семантики литературных репрезентантов понятия обмана играют труды представителей Московской семантической школы под руководством Ю. Д. Апресяна и, в частности, их статьи в «Новом объяснительном словаре синонимов русского языка» о словах *неправда, ложь, вранье* (В. Ю. Апресян), *хитрый, хитроумный, плутоватый, лукавый* (О. Богуславская). Отдельные «обманные» лексемы и фразеологизмы, в том числе диалектные, подвергаются этимологическому анализу в трудах Ж. Ж. Варбот (к примеру, общенар. *врать*, диал. *ощеул*, *ощеулка* ‘обманщик’), Т. В. Горячевой (диал. *наговорить бочку арестантов* ‘наврать’), Л. В. Куркиной (диал. *выкомаривать, варакать, шаврать* ‘обманывать’ и др.), А. Б. Страхова (например, диал. *обмикуть, обмишутить, объегорить, офофанить, облапошить* ‘обмануть’) и др. В ряде статей О. В. Видовой диалектные слова со значениями ‘лгун’, ‘лгунья’ рассматриваются с точки зрения словообразования и лингвогеографии.

Отсутствие комплексного этнолингвистического исследования лексики и фразеологии русских народных говоров со значением обмана, а также информативность семантико-мотивационного анализа лексико-семантического поля обмана для реконструкции фрагмента народной языковой картины мира определяют **актуальность** настоящей диссертации.

Научная новизна работы состоит в том, что в ней впервые осуществлено этнолингвистическое изучение лексического и фразеологического материала русских народных говоров, в котором воплощаются значимые в аксиологическом плане народные представления о явлении обмана. В научный оборот вводится новый языковой материал, в том числе из неопубликованных полевых источников. Осуществляется семантическая реконструкция и этимологическая интерпретация ряда лексических единиц с «темной» внутренней формой.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что в ней определено семантико-мотивационное своеобразие языковых единиц, номинирующих обманные явления, и охарактеризован соответствующий фрагмент народной языковой картины мира. Исследование вносит вклад в развитие диалектной лексикологии, этнолингвистики и этимологии. Принципы семантико-мотивационной интерпретации изученной лексической группы, апробированные в работе, могут быть применены к иным лексическим объединениям, обладающим сходными свойствами.

Практическая значимость диссертации состоит в возможности использования полученных результатов в практике вузовского преподавания при подготовке курсов по этнолингвистике, семантике, диалектологии, этимологии, когнитивной лингвистике.

¹ Логический анализ языка. Между ложью и фантазией / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М. : Индрик, 2008.

Апробация работы. Положения данного исследования были изложены в докладах на нескольких научных конференциях, в числе которых международная научно-практическая конференция «Национально-культурный и когнитивный аспекты изучения единиц языковой номинации» (Кострома, 2012), II и III международная научная конференция «Этнолингвистика. Ономастика. Этимология» (Екатеринбург, 2012, 2015), III Всероссийский конгресс фольклористов (Москва, 2014), всероссийская научно-практическая конференция «Проблемы лингвистического краеведения» (Пермь, 2014), II и IV конференция студентов и аспирантов «Антропология. Фольклористика. Социоллингвистика» (Санкт-Петербург, 2013, 2015), XLV Международная филологическая конференция (Санкт-Петербург, 2016), международный этимологический симпозиум «Śladami myśli etymologicznej», посвященный 100-летию со дня рождения проф. Фр. Славского (Краков, 2016). По теме исследования опубликовано 17 работ, из них 6 в научных журналах, рекомендованных ВАК.

Степень достоверности результатов исследования определяется достаточным объемом проанализированного лексического материала (около 1 100 единиц); использованием адекватных поставленным целям и задачам методик анализа, позволяющих осуществить семантико-мотивационную реконструкцию и этнолингвистическую интерпретацию избранного лексического массива; привлечением трудов по этнолингвистике, этимологии, семантике, диалектной лексикологии, связанных с проблематикой исследования.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения и приложения. Общий объем работы – 315 страниц (без учета приложения).

Положения, выносимые на защиту:

1. Язык отражает обман как социально и этически значимое явление. Понятие обмана обладает этнокультурной нагруженностью: оно активно разрабатывается средствами русских народных говоров; значительное количество средств его оязыкования представляют собой образные номинации или фразеология; лексика и фразеология со значением обмана отражает установки народной этики и народной мифологии.

2. Ключевые для поля слова *обманывать* и *обман* в основных своих лексико-семантических вариантах обладают широкой, можно сказать, «диффузной» семантикой: они могут называть любое действие или явление, которое интерпретируется говорящим как обман. Прочие лексико-семантические варианты называют конкретные действия и явления (говорение неправды, несдержанные обещания, мошенничество, любовную измену). Значения этих слов определяют смысловое наполнение всего поля: слова и фразеологизмы со значением ‘обманывать’, ‘обман’ формируют центральную его часть; остальные семантические области задаются частными значениями этих слов (‘врать’, ‘вранье’, ‘мошенничать’, ‘мошенничество’ и др.).

3. Основная нагрузка по выражению обманных смыслов в языке падает на глаголы и словосочетания с глаголами в качестве опорных компонентов, таким образом, главным компонентом ситуации обмана является предикат. Валентность глагола задает двух обязательных актантов ситуации – ими являются субъект и объект обмана.

4. Выделяется 12 предметно-тематических кодов разной продуктивности, средствами которых объективируются «обманные» смыслы: соматический, социальный, код производственных действий, код неспециализированных действий, кулинарный, предметно-бытовой, обрядово-игровой, звуковой, пространственный, природно-метеорологический, зоологический и мифологический коды.

5. Анализ мотивов номинации обманных явлений выявляет систему абстрактных идей, объединяющих несколько обширных лексико-фразеологических групп и реализующихся через более конкретные мотивы, объединяющие на базе одного мотивационного признака, как правило, несколько номинативных единиц. Среди них – идея нарушения прямизны, которая реализуется с помощью мотивов кривизны, движения по не прямой траектории, плетения, верчения, сгибания; идея воздействия на объект инородным веществом, которая конкретизируется с помощью мотивов загрязнения, затемнения, воздействия дымом или туманом; идея деструктивного физического воздействия, воплощаемая мотивами температурного воздействия и обрезания; идея физического воздействия, направленного на подчинение чужой воле, которая конкретизируется мотивами обездвиживания, опутывания, одевания, обувания, и др.

6. Выявление семантико-мотивационных закономерностей, лежащих в основе изучаемой лексики, позволяет осуществить семантико-мотивационную и этимологическую реконструкцию ряда «темных» лексем, например, смол. *озёлок* ‘обман’, новг. *чму́рить* ‘притворяться, обманывать’, влг. *калау́шник* ‘болтун, врун’, пск. *базу́рить* ‘жить обманом, плутовать’, арх., влг., петерб. *древить* ‘болтать, лгать’, костр. *прималы́хивать* ‘привирать’ и др.

7. Семантическая область, связанная с изменой в любви, представляет собой особый в семантическом и мотивационном отношении сектор поля обмана. Идеограмма «изменить в любви» является разработанной в народных говорах. В круг явлений, квалифицируемых в традиционном обществе как любовная измена, включаются супружеская измена и измена в любви до брака. Реакция на добрачную измену может сопровождаться ритуально выраженным осуждением субъекта или объекта измены с участием предметного символа измены – и номинации измены нередко построены по модели «глагол действия (*сделать, устроить* и др.) или глагол передачи (*дать, подарить* и др.) + наименование предмета + указание на адресата (кому-либо)», к примеру, пск., новг. *сделать лапти кому*, новг. *устроить ситный кому* и др. Лексика и фразеология обмана в любви использует общий набор образов с языком

свадебного обряда, лексикой обмана вообще, а также с лексикой нанесения физического или морального ущерба кому-либо.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **ВВЕДЕНИИ** обозначены объект, цель и задачи исследования, приведен краткий обзор литературы по изучаемой теме, описаны источники материала и основные методы его анализа, охарактеризована актуальность диссертации и представлена ее структура.

ПЕРВАЯ ГЛАВА «Семантическая структура семантико-мотивационного поля “Ложь, обман” и его связи с другими полями» сосредоточена на вопросах о том, какие смыслы входят в понятие обмана; что понимается под обманом в традиционной культуре; как соотносятся смыслы, образующие понятие обмана, друг с другом; какие понятия в сознании носителей языка являются смежными по отношению к понятию обмана. Отвечая на эти вопросы, мы, во-первых, определяем организацию внутреннего пространства семантического поля обмана, а во-вторых, обнаруживаем внешнее окружение поля. В соответствии с этими задачами основное содержание главы распределяется между двумя разделами – **1.2 «Семантическая организация поля “Ложь, обман”»** и **1.3 «Смысловые связи поля “Ложь, обман” с другими семантическими областями»**.

Раздел 1.2 состоит из четырех параграфов. В параграфах **1.2.1** и **1.2.2** анализируется семантика однословных языковых единиц, отвечающих критериям общенародности и нейтральности, которые называют явление обмана (глагола *обманывать* и соответствующего существительного) или синонимичны словам *обманывать*, *обман* в некоторых своих лексико-семантических вариантах (*лгать*, *ложь*, *неправда*). Анализ словарных дефиниций названных слов позволяет очертить круг смыслов, входящих в понятие обмана и закрепленных в соответствующем семантическом поле. Особое внимание при анализе этих слов мы старались уделить смысловым отношениям базовых лексем друг с другом: различиям между словами *обман*, *ложь* и *неправда*, семантической разнице между глаголами *лгать* и *обманывать*, *лгать* и *врать*.

Анализ дефиниций нескольких словарей общенародного языка позволил сформировать на их базе следующий набор значений основного выразителя семантики обмана – глагола *обманывать*: ● ‘сознательно вводить кого-л. в заблуждение’: *Его не обмануть*; *Безбожно / бессовестно / беззастенчиво обманывал нас*; ● ‘лгать, говорить неправду’: *Прочел записку, но обманул, что не читал*; ● ‘совершать мошенничество по отношению к кому-л.’: *Обмануть на сто рублей*; ● ‘не оправдывать чьи-л. ожидания; не держать слово’: *Обманул доверие*; *Обещал зайти и обманул*; ● ‘изменять кому-л. в любви’: *Обманывал жену с любовницей*; ● сов. ‘соблазнить девушку’: *Обманул и бросил*

семнадцатилетнюю девушку. Образование каждого частного значения идет по пути специализации (сужения) первого – основного: частные значения уточняют способ введения в заблуждение, т. е. определяют, происходит ли это с помощью слов или каких-либо действий. Таким образом, глагол *обманывать* в основном своем значении ‘вводить в заблуждение’ не называет никакого конкретного действия; при этом как обманные (вводящие в заблуждение) могут быть проинтерпретированы в определенных условиях разные действия.

Существительное *обман* в целом соотносится с производящим глаголом по объему значений. Для одного из разделяемых ими значений – ‘говорить неправду’ и, соответственно, ‘говорение неправды’ – в языке есть собственные однословные выразители *лгать, врать* и *ложь, вранье*. Семантический анализ, произведенный в главе, демонстрирует, что слова *лгать* и *ложь* многозначны и используются не только в значении ‘говорить неправду / говорение неправды’; лексема *ложь*, несмотря на аналогичный *обману* способ образования, не полностью совпадает с мотивирующим глаголом в объеме значения: в ряде случаев *ложь* в общенародном языке называет не только речевой обман, но становится синонимом *обмана* вообще (употребляется в значении ‘намеренное искажение истины, неправда, обман’). Синонимом *обмана* может выступать также лексема *неправда*, по сравнению с *ложью* и *обманом* характеризующаяся более широким набором сфер употребления (в частности, неправда трактуется как «истинностная» категория, противопоставленная понятию правды (‘то, что противоречит истине’), а также может выступать как нравственная категория, противопоставленная понятию добра, о чем, к примеру, свидетельствует нередкая контекстная рядоположенность *неправды* и *зла* в примерах, извлеченных из Национального корпуса русского языка).

Переход к основному массиву языкового материала осуществлен в **параграфе 1.2.3 «Ядерная зона и семантические секторы поля “Ложь, обман”»**. В нем представлен перечень базовых идеограмм, по которым распределяется диалектный материал, отобранный с опорой на выявленную в предыдущих параграфах структуру понятия обмана; определен состав семантических секторов поля, внутри которых характеризуется расстояние между отдельными входящими в них значениями. Так, выделяется 16 основных идеограмм, наполняющих внутреннее пространство семантического поля. Центральной, ядерной для поля можно считать идеограмму «обманывать, вводить в заблуждение». Языковые факты, которые ее реализуют, преобладают среди собранного материала в количественном отношении, представляя около трети всего материала. Эта семантика является наиболее широкой, она включает в себя значения «узких» глагольных выразителей идеи обмана.

Языковые единицы, имеющие категориально-грамматическую сему ‘процессуальность’, распределяются среди идеограмм «говорить неправду», «совершать мошенничество», «хитрить, лицемерить», «не выполнять обещаний», «обманывать в любви», «обманывать колдовством», «испытать обман», «пережить измену в любви»; внутри лексико-фразеологической группы

с КГС 'предметность' отмечаются идеограммы «тот, кто говорит неправду», «мошенник», «лицемер», «тот, кто изменил в любви», «обман, неправда»; слова и фразеологизмы с КГС 'признаковость' можно отнести к идеограммам «обманывающий, склонный к обману» и «обманной, обманчивой, мошеннический». Перечисленные идеограммы сформулированы шире, чем лексические значения их языковых репрезентантов. Каждая из идеограмм, соответственно, маркирует отдельный семантический сектор поля, составленный из более узких комбинаций смыслов, включающих в себя дифференциальные семы. Скажем, идеограмма «хитрить, лицемерить» сформулирована на основании таких значений, как 'обманывать, хитрить, выдумывать уловки', 'обманывать, лицемерить', 'обманывать, ласкаясь', 'обманывать, притворяться', 'льстить, обманывать лестью' и некоторых подобных.

Наиболее наполненной (не считая идеограммы «обманывать, вводить в заблуждение») оказалась область, представленная значениями 'обманывать, лгать', 'обманывать, говорить неправду', 'лгать, врать' и под. Речевой обман, как правило, сопровождает любое обманное действие. Кроме того, процессы производства и восприятия речи (в том числе «обманной»), по сравнению, скажем, с притворством, хитростью, лицемерием воспринимаются носителями языка как наиболее внешне выраженные, рисуемые как результат работы речевых органов и как части звукового потока, поэтому речевые действия легко поддаются описанию, сопоставляются с другими процессами (ср. яросл. *блудить языком* 'лгать', пск. *молоть языком* 'говорить вздор, ерунду, неправду', карел. *бить языком* 'лгать, обманывать', пск. *частокол городить* 'говорить чепуху, врать', карел. *боронить борону* 'говорить неправду, врать', яросл. *оплетать* 'много говорить, врать' и др.).

Параграф 1.2.4 «Участники ситуации обмана» посвящен описанию ситуации обмана: ее обязательным и необязательным актантам. Актантную структуру ситуации обмана задает семантическая валентность глагола *обманывать* и ряда глаголов с таким значением: она включает в себя позиции двух участников ситуации – субъекта обмана (обманщика) и объекта обмана (обманутого, того, кто ему подвергается). Их присутствие в ситуации обмана обязательно – в отличие от разного рода необязательных элементов ситуации, например, места, причины – ср. *Он обманул меня при покупке / на кассе / по моей глупости* и пр. Таким образом, типическая ситуация обмана включает в себя двух обязательных актантов и может также содержать ряд сирконстантов – второстепенных участников, отвечающих за более широкое описание ситуации. Учет распределения материала по составляющим ситуации обмана позволяет увидеть, роли каких участников ситуации наиболее детально «прорисовываются» носителями языка – в частности, это роли типического обманщика и типического обманутого.

В раздел 1.3 «Смысловые связи поля “Ложь, обман” с другими семантическими областями» входят три параграфа. Первый (1.3.1) содержит

описание ближайшего и дальнейшего семантического окружения изучаемого поля. Внешние связи поля обмана с другими смысловыми областями определялись с опорой на многозначность «обманных» лексем, а также повторяемость одних и тех же смысловых связей: например, частотными оказываются соединения смыслов ‘болтать’ и ‘врать’ (ср. новг. *колядiть* ‘болтать; говорить неправду’), ‘насмехаться, издеваться’ и ‘обманывать’ (ср. калуж. *поддѣвку шить* ‘зло посмеяться над кем-л.; обмануть’), ‘скупец’ и ‘обманщик’ (ср. яросл., влг. *окаём, окоём* ‘скряга, скупец; плут, мошенник’), ‘лентяй’ и ‘обманщик’ (ср. арх., влг. *лѡкас* ‘лентяй, бездельник; лгун, пройдоха’) и др. Такие смысловые сочетания носят характер семантических переносов: обманные значения являются вторичными, причем, как правило, причины развития значений прозрачны. Первичные по отношению к обманным смыслы формируют соседние для поля области. Ближайшими его «соседями» оказываются сферы речи (что устанавливается на основании переносов ‘болтать, пустословить’ → ‘врать’ и ‘болтун’ → ‘врун’); смеха и насмешки (‘шутить’ → ‘врать’, ‘насмехаться над кем-л.’ → ‘обманывать’); интеллекта человека (семантика обмана сопрягается со значениями ‘хитрить’, ‘хитрость’; значение ‘быть обманутым’ – со значением ‘быть простаком, глупцом’). Среди дальнейшего окружения находятся сферы торговли и товарно-денежных отношений; отношения к собственности; отношения к труду; сферы ошибки; игры; пространства и перемещения по нему; магии и мифологии (в качестве примера семантических связей поля с последней сферой ср. пск. *морочить беса* ‘обманывать, колдовать’, смол. *озелѣть* ‘околдовывать зельем, обманывать’).

В параграфе 1.3.2 продолжается поиск семантических связей поля. Внимание акцентируется на следующем факте: воспроизводимая внутри корпуса отобранных для изучения слов многозначность может включать широкие семантические комплексы, состоящие более чем из двух компонентов. Рассматриваются два комплекса. Первый включает значения ‘врать, обманывать’, ‘мерещиться, чудиться’, ‘бредить’, ‘бормотать, говорить невнятно’, ‘говорить вздор’, ‘шалить, безобразничать’, ‘брать чужое, воровать’. Он выявлен на базе семантического пространства пяти словообразовательных гнезд (некоторых дериватов корней *блaзн-*, *брус-*, *грез-*, *тризн-* и *мрак-*, ср., к примеру, *грезить* петерб., том. ‘говорить вздор, пустословить’, алт. ‘врать, обманывать’, арх., пск., перм., свердл., тобол., якут. ‘безобразничать, шалить’, пск., перм., арх. ‘брать чужое, воровать’, *грезиться* вят. ‘представляться, видеться’, свердл., перм. ‘воровать’, а также *тризнѣть* смол. ‘говорить неправду’, *тризнiть* ‘бредить, говорить во сне’, ‘говорить неясно, невнятно’, *тризнiться* ‘мерещиться, казаться’). Второй комплекс содержит значения ‘ударить’, ‘причинить какую-л. физическую боль’ (‘обжечь’ / ‘ужалить’ / ‘уколоть’ и под.), ‘нанести какой-л. моральный ущерб’ (‘обругать’ / ‘опозорить’ и под.), ‘сделать что-л. быстро / внезапно’, ‘сильно удивить’, ‘обмануть’ и реконструируется на базе семи словообразовательных гнезд (некоторых

продолжений основ *жег-*, *баламут-*, *хлест-*, *швар-*, *шквар-*, *горош-*, *щуч-*). Внутри них оказывается трудно проследить последовательность появления отдельных значений и точно определить первичную по отношению к «обманной» семантику. Связи значений, разбираемые в предыдущих параграфах, имеют статус семантических переносов; сочетаниям значений, которые входят в комплексы, приводимые в параграфе 1.3.2, мы присвоили статус семантических регистров (в терминологии Н. И. Толстого): значения, связанные с обманом, включены в них на правах отдельного смыслового регистра.

Наконец, в параграфе 1.3.3 «**Междиалектная энантиосемия: значения ‘обманывать’ и ‘говорить правду’**» фокус исследовательского внимания переводится на отдельные языковые единицы, которые, наряду со значением ‘лгать, обманывать’, входящим в ядерную зону семантического поля обмана, обладают прямо противоположной семантикой – обозначают говорение правды: *лгать* ряз., арх., ленингр. ‘болтать вздор, врать, обманывать’ и костр., смол. ‘говорить прямо, откровенно, резко’, *отколоть* сиб. ‘бесстыдно солгать’ и пск., твер., смол. ‘резко и прямо высказать что-л.’, *ошпетить* перм. ‘одурачить’, тамб. ‘оговорить’ и новг. ‘сказать неожиданную правду’. Антонимичные значения возникают также внутри словообразовательного гнезда, ср. перм. *бруснуть* ‘врать’, новг., твер. *брусить* ‘лгать’, новг., пск. *брусня* ‘лгуны’ и арх. *бруснуть* ‘говорить правду прямо в глаза’: «Бруснуть начнем, как в сельсовет-от придем, говорить прямо с плеча». В параграфе предпринимается попытка выявить как признаки, мотивирующие появление у них значений ‘говорить правду’, так и те, что мотивируют значение ‘обманывать’. Названные лексемы примечательны тем, что служат точками пересечения двух «антонимичных» семантических полей – обмана и правды, маркируя их взаимосвязь.

Завершает главу о семантической структуре и связях поля обмана **раздел 1.4**, содержащий основные выводы главы.

ВТОРАЯ ГЛАВА озаглавлена «**Мотивационная структура семантико-мотивационного поля “Ложь, обман”**».

В **разделе 2.1 «Принципы мотивационной организации поля»** обосновываются два подхода к анализу материала, которые приняты в работе. Во-первых, мотивационная организация поля может выстраиваться согласно номинативным моделям, упорядоченным в рамках какого-либо предметно-тематического кода. Например, наименования соматических объектов и физических свойств человека (скажем, слепоты), которые развивают вторичные «обманные» значения, составят соматический код поля «Ложь, обман». В разделе кратко описывается история употребления термина *код* в лингвистических и, в частности, этнолингвистических работах, обосновывается выбор понятия *предметно-тематический код* по отношению к описываемому материалу.

Во-вторых, изучение мотивационных отношений в поле возможно путем определения причин номинации, иначе говоря, мотивационных признаков, положенных в основу слов. Такой аспект анализа позволяет выявить иерархически организованный набор мотивов номинации. Мотивы выделяются с различной степенью абстракции и, наоборот, детализации: они могут быть присущи одной или нескольким языковым единицам, а могут объединять множество единиц, входящих в поле. В поле «Ложь, обман» реализуется ряд сквозных мотивов, объединяющих группы единиц, относящихся к разным предметно-тематическим кодам; они конкретизируются частными мотивами, раскрывающими обоснование отдельной номинации или ряда номинаций. Так, арх., влад. *кривить* ‘обманывать’, твер., пск. *крівство* ‘обман, ложь, хитрость’, нижепечор. *кривлять душой* ‘лгать, обманывать’ объединяются частным мотивом кривизны, который, наряду с мотивами плетения, сгибания, верчения и движения по не прямой траектории, формирует мотив нарушения прямизны, сквозной мотив, используемый для воплощения смыслов значительной части всего поля.

Разделение материала на основании заложенных в номинации мотивов не совпадает с разделением, принятым при отнесении номинаций к тому или иному предметно-тематическому коду: код вбирает в себя лексические единицы, имеющие различную мотивацию, и, соответственно, один мотив реализуется в единицах, относящихся к разным кодам. Например, сквозная для поля «Ложь, обман» идея нарушения прямизны мотивирует некоторые единицы соматического (влг. *кривоязыкий* ‘говорящий неправду’), производственного (перм. *плести косоплётки* ‘лгать, обманывать’), предметно-бытового (новг. *обуть в кривые лапти кого* ‘обмануть, обобрать кого-л.’), пространственного (влг., яросл., костр. *кружить* ‘врать’) кодов; код неспециализированных действий включает единицы, воплощающие мотивы сгибания (курск., урал. *гнуть* ‘врать’), верчения (урал. *вертун* ‘ненадежный человек, обманщик’), нагревания (смол., ленингр., пск., твер. *нагреть* ‘обмануть’) и пр.

Предваряет представление материала в описанных аспектах **раздел 2.2 «Этимология слов – основных выразителей семантики обмана в славянских языках»**. Он посвящен определению мотивов номинации, лежащих в основе общенародных лексем со значением обмана. Излагаются имеющиеся в литературе этимологические интерпретации слов – основных выразителей «обманной» семантики в разных славянских языках (*врать, лгать, обманывать, дурачить*, укр. *брехати*, блр. *брахаць* ‘говорить неправду’, польск. *klamać* ‘лгать, врать’, чеш. *klamat* ‘обманывать’, болг. *мамя* ‘вводит в заблуждение’ и др.). Это позволило продемонстрировать базовые смыслы, лежащие в основе славянской лексики обмана: с определенной степенью условности, вызванной значительной глубиной реконструкции, восстанавливаются смыслы ‘махать, делать знаки’ (при этимологизации слов *обманывать*, польск. *tacić*, болг. *мамя* и др.), ‘гнуть’ (*лгать*, укр. *лгати* и др.), ‘вязать’ (*врать*), ‘качать, клонить’ (польск. *klamać*, чеш. *klamat* и др.), ‘дуть,

напирать' (*дурить*, укр. *дурити* и др.). Последующий мотивационный анализ диалектной лексики показал, что названные смыслы совпадают с теми, которые активно участвуют в формировании семантического поля обмана в русских говорах: метафоры нарушения прямизны, качания, сгибания, вязания, надувания являются продуктивными для изучаемой лексики и фразеологии.

Раздел 2.3 «Предметно-тематические коды, реализованные в поле “Ложь, обман”» состоит из 12 параграфов в соответствии с 12 предметно-тематическими кодами, средствами которых объективируются смыслы, разрабатываемые в лексике поля. Выделенные коды имеют разную продуктивность и «нацеленность» на описание различных участков ситуации обмана. Лидером по числу номинаций является социальный код, насчитывающий порядка 150 единиц. Следующими по количественной наполненности являются (в порядке убывания числа номинаций) код неспециализированных действий (около 90 единиц), соматический код и код производственных действий (около 80 единиц в каждом). Далее следуют звуковой код (примерно 70 единиц), пространственный (порядка 60), предметно-бытовой, кулинарный и зоологический (около 50 единиц в каждом) коды. Наименее продуктивны мифологический, природно-метеорологический и обрядово-игровой коды (около 35, 30 и 20 единиц соответственно).

За большей или меньшей продуктивностью кодов стоят как собственно языковые факторы (к примеру, умножение единиц кода за счет звукоподражательных номинаций или экспрессивов; большая продуктивность акциональных кодов – таких, например, как коды производственных или неспециализированных действий, по сравнению с субстанциональными кодами (предметно-бытовым, зоологическим и др.), поскольку главной составляющей ситуации обмана служит предикат), так и внеязыковые причины (например, случаи, когда предметно-тематическая сфера, «питающая» соответствующий код, охватывает широкое денотативное пространство, что обуславливает многочисленность метафор, из которых составлен код).

Принципы структурирования материала внутри каждого отдельного кода различаются в зависимости от удобства подачи лексических фактов. Наиболее частый способ упорядочения материала – его тематическая классификация внутри кода. По тематическому принципу в диссертации представлены, например, социальный код, подразделяющийся на рубрики, маркирующие какой-либо социальный аспект жизни («Личное имя», «Этнос», «Топос» и пр.), коды производственных и неспециализированных действий, внутри которых материал распределен по группам, связанным с конкретными действиями («Рыхление и боронование», «Плетение», «Молотьба, помол», «Сгибание» и др.), предметно-бытовой код (с тематическими рубриками «Одежда и обувь», «Предметы быта», «Хозяйственные отходы и вещества») и др. Еще один способ организации материала внутри кода – учет структуры ситуации обмана. По

принципу выделения участников ситуации организовано, например, описание соматического и кулинарного кодов. В них лексика и фразеология сгруппированы в зависимости от того, какой из компонентов ситуации они характеризуют – субъекта действия (обманщика), пациента (обманутого), процесс или продукт обмана.

Продуктивность социального кода связана с желанием номинатора избавиться от обезличенности участников ситуации обмана, обобщить стереотипные знания о потенциальной склонности к обману носителей конкретных имен и личных качеств, представителей определенных профессий и этносов. Элементами кода становятся антропонимы, этнонимы, топонимы, хрононимы (и их дериваты), а также номинации, заимствованные из профессиональной, поведенческой сфер и под. (ср. влад. *алёша* ‘лгун’, костр. *цыганка* ‘лживая женщина’, казан. *прáсол* ‘обманщик’, влг. *лодырничать* ‘обманывать’ и др.).

Популярность кода неспециализированных действий свидетельствует о важности сценария, который он разрабатывает, для шифровки ситуации обмана: активный деятель воздействует на пассивный объект (с целью негативного влияния на последний) – сгибает, ломает, нагревает, обдирает, ударяет его и пр. (ср. тул., новг. *ожечь* ‘обмануть’, арх. *подломить* ‘обмануть’ и др.). Кроме того, количественную наполненность кода увеличивает внимание языка к процессуальной стороне обмана: то, что обман в первую очередь есть действие, требует для обозначения предметов, попадающих в обманную сферу, места актанта при предикате, который нередко выражается глаголом со значением неспециализированного действия. Данный процессуальный код поэтому может активно «сотрудничать» с предметными, ср. соединение его единиц с единицами соматического кода: арх. *загибать зубы*, влг. *промыывать глаза*, перм. *волочить за нос* ‘обманывать’ и др.

Потребность в единицах соматического кода определяется наивными представлениями о специфической внешности обманщика (ср. нижнепечор. *зубы редкие* ‘кто-нибудь лжет’: «Чё-но ты ему веришь; вишь, каки зубы-ти редки, он всё врёт»; костр. *лутóшные глаза* ‘лживый, бессовестный человек’), а также о том, что в осуществлении и восприятии обманных действий принимают участие активный орган-«инструмент» обмана (ср. карел. *бить языком* ‘лгать’) и пассивный орган восприятия обманутого, подвергаемый воздействию обманщика (ср. сиб. *глаза затуманивать* ‘вводить в заблуждение’). Самая большая нагрузка при образовании «обманных» номинаций, включающих обозначения соматических объектов, падает, с одной стороны, на названия органов речевого производства, «обслуживающих» сферу вербального обмана (ср. свердл. *брякать языком* ‘лгать, обманывать’), с другой стороны, на названия органов восприятия, поскольку распознавание / нераспознавание обмана есть важная его составляющая (ср. перм. *глаза замазывать* ‘обманывать’). При «шифровке» ситуации обмана средствами соматического кода название соматического объекта служит, как правило,

актантом при предикате (ср. яросл. *блудить языком* 'лгать', печор. *вертеть глазами* 'обманывать кого-л.', нижнепечор. *мозги засорять* 'обманывать кого-то' и др.). Предикат подключает к соматическому сценарию самые разные метафоры (для последних примеров – «лгать» ← «двигаться по не прямой траектории», «обманывать» ← «двигаться по кругу»; «обманывать» ← «воздействовать чем-л. загрязняющим»), увеличивая его продуктивность и потенциал: формируются номинативные ряды (ср., например, ряд из диал. *блудить / молоть / хлómать / бить / брякать / ляцкать языком* 'лгать, обманывать кого-л. '), которые, очевидно, открыты для пополнения.

Код производственных действий объединяет большое количество «технологических» метафор и охватывает значительное денотативное пространство (сферы строительства, земледелия, обработки зерна, различных ремесел, ткачества и прядения). За значительной количественной наполненностью кода стоит наличие в сценарии обмана «материальной» составляющей – звучащей речи: само говорение («производство») и восприятие речи («обработка») легко поддаются «технологическому» описанию. К примеру, говорение неправды изображается как обработка земли бороной (влг., костр. *боронить* 'болтать, привирать', влг., свердл. *наборонить* 'наврать'), плетение лаптей (нижнепечор. *лапти плести / наплести* 'врать, сплетничать'), возведение забора из кольев (пск. *частокол городить* 'говорить чепуху, врать') и др.

В рамках звукового кода реализуются метафоры «свистеть», «лаять», «гудеть» → «врать», «свист» → «вранье» и др. (ср. новг. *гудить* 'обманывать', смол. *присвистнуть* 'приврать'). Продуктивность этого кода поддерживается главным образом за счет единиц звукоподражательного происхождения, являющихся, как правило, экспрессивными, удобных для обозначений речи и потому активно разрабатывающих семантику говорения неправды.

Пространственный код демонстрирует системную метафору «двигаться определенным образом (по кривой, по кругу, в обход)» → «обманывать» (ср. новг. *плутать* 'хитрить, лукавить', влг. *криулять* 'врать, кривить душой'). Ее активность в поле обмана поддерживается существованием более общей метафоры «двигаться не по прямой дороге / вне дороги» → «не соблюдать этических норм» (ср. общенар. *пойти по кривой дорожке*, пск. *сбиться с дороги* 'начать вести безнравственную жизнь' и др.).

Образы животных, выбираемые носителями языка для сопоставления с участниками ситуации обмана и осмысления процесса обмана, представлены в зоологическом коде (ср. без указ. места *лисой пройти* 'схитрить', влг. *пільма* 'обманщик, хитрец' < влг. *пільма* 'насекомое-вредитель', смол. *собáчить* 'обирать, обманывая'). Кулинарный код эксплуатирует «пищевые» образы – «обманные» номинации могут использовать обозначения продуктов питания или действий по обработке пищи, а также их дериваты (ср. влад., вят. *бульч* 'бессовестный человек, наглый плут' < влад., вят. *бульч*

‘молодой и плохой квас; квас или брага на второй воде’, тобол. *слати́ть* ‘врать’, арх. *солодить* ‘наговаривать на кого-л.’).

Мифологический код обнаруживает представления о связи обмана с нечистой силой и колдовскими действиями. Значимость этих представлений свидетельствует о том, что наивное сознание стремится найти внешнюю, «внечеловеческую» причину существования и успешного осуществления обмана. Можно говорить о двух основных сценариях, прослеживаемых в сфере «мифологической» лексики и фразеологии со значением обмана. Согласно первому из них, субъект обмана воспринимается как носитель сверхъестественного знания: модели, по которым строится семантический перенос, можно обобщить до схем «колдун / знахарь» → «обманщик» и «применять магическое знание» → «обманывать» (ср., к примеру, астрах. *колдун* ‘обманщик’). Языковые факты отражают, с одной стороны, опасение по отношению к «знающим» («знатким» и т. д.) людям, вызванное приписываемой им способностью «делать на худо», т. е. вредить кому-то из членов социума; с другой стороны, объясняют умение вводить в заблуждение другого человека наличием у него особых знаний. Согласно второму сценарию в рамках кода, совпадают позиции субъекта обмана и демонологического персонажа, что демонстрируют схемы развития значений «нечистый дух» → «субъект обмана» (ср., например, пск. *верёвочный чёрт* ‘обманщик’), «действовать как нечистая сила» и «принуждать к контакту с нечистой силой» → «обманывать». В номинациях находят отражение оба вышеназванных фактора – отрицательное отношение к обманщику и желание объяснить его способность одурачивать другого сверхчеловеческой природой.

В рамках мифологического кода фиксируются также лексемы, которые возникли не в результате семантического переноса, но реализуют древнейший синкретизм значений в пространстве этимологического гнезда (ср. продолжения праслав. **kud-* / **čud-*, например, влг., твер., перм., смол. *проку́да* ‘хитрый человек, притворщик, обманщик’): «обманное» значение неразрывно связано со значением «магическим».

Природно-метеорологический и предметно-бытовой коды пополняются за счет номинаций явлений из довольно обширных областей действительности – неживой природы (включающей природные явления, некоторые природные вещества (грязь, воду) и действия с их участием) и широко понимаемого быта (включающего некоторые бытовые действия (ср. *одеть*, *обуть* кого-л.), бытовые и хозяйственные предметы, хозяйственные отходы, используемые в быту вещества). Они характеризуются формальной «составленностью» из неоднотипных метафор и разнообразием реализуемых мотивов. Например, предметно-бытовой код представлен метафорами «одеть / обуть», «окружить», «пропустить сквозь решето» → «обмануть», «мусорить» → «обманывать», «негодное вещество / ядовитое вещество» → «обманщик»; он «питается» мотивами подчинения чужой воле (прост. *накрыть колпаком*, ярсл. *обуть*, пск., твер. *одеть*), кругового

покрытия (твер., влг., орл. *окутать*, смол. *объюлить*), плетения (прост. *обуть в лапти*, арх. *лапти сплести*), верчения (смол. *объюлить*). При этом метафора, как видно из примеров, может опираться на несколько мотивов, ср. выражение *обуть в лапти*, которое основано на мотивах подчинения чужой воле и плетения, или глагол *объюлить*, реализующий мотивы верчения и кругового покрытия.

Наименее количественно наполненный обрядово-игровой код возникает в семантическом поле обмана по нескольким причинам. Во-первых, в восприятии носителей языка сближаются позиции обманщика и того, кто подшучивает, насмехается над кем-либо, устраивает проделки. Сближаются также позиции обманутого и объекта насмешки: оба они оказываются одураченными, остаются «в проигрыше». Во-вторых, лексемы-«доноры» обозначают, как правило, действия, не связанные с работой (колядование, вождение хоровода, совершение шалостей и др.), иногда приносящие ущерб объекту. Семантика таких лексем несет в себе негативно-оценочный «заряд», провоцирующий на развитие других «отрицательных» значений, в том числе обманных (ср. новг. *колядѣть* ‘говорить неправду’). Надо отметить, что легкость развития отрицательной семантики у рассматриваемых диалектных лексем отражается в самом широком спектре их значений, ср., к примеру, набор значений диал. *прокурѣтка* ‘проказница, шутница, затейница, пройдоха, пронира, обманщица’. Во многих гнездах – наряду с семантикой веселья и озорства – фиксируются значения, связанные с непристойным (в том числе речевым) поведением, пьянством, сумасбродством и пр. Появление «обманных» значений в подобных случаях соответствует общей логике семантического развития слова.

В разделе 2.4 «Мотивы номинации, реализованные в поле “Ложь, обман”» охарактеризован ряд сквозных и частных мотивов поля, формирующих лексико-фразеологические группы. Скажем, идея нарушения прямизны реализуется с помощью мотивов кривизны (ряз. *кривой* ‘обманщик, лжец’, влг. *кривоязыкий* ‘говорящий неправду, излагающий неверные факты’), движения по непрямой траектории (новг. *плутать* ‘хитрить, лукавить’, смол. *петлять* ‘лукавить; врать’), плетения (омск. *плести корзинку* ‘обманывать, лгать’), верчения (нижегор., пск., смол. *объюлить* ‘обмануть’), сгибания (без указ. места *гнутки гнуть* ‘лгать, врать’); идея воздействия на объект инородным веществом конкретизируется с помощью мотивов загрязнения, затемнения, воздействия дымом или туманом; идея деструктивного физического воздействия воплощается мотивами температурного воздействия и обрезания; идея физического воздействия, направленного на подчинение чужой воле, конкретизируется мотивами обездвиживания, опутывания, одевания, обувания, и др.

Нужно заметить, что в процессе анализа материала мы обращались к разным уровням мотивационной реконструкции. В большинстве случаев установлению мотива номинации и определению метафоры, реализуемой

словом, способствует его ясная внутренняя форма – поэтому при выделении какого-либо кода или мотива мы руководствовались прежде всего прозрачными с точки зрения внутренней формы лексемами и фраземами. Однако для ряда лексем требовалась этимологическая реконструкция. В особенности это касается древних метафор, реализуемых в словах: например, метафора «мерещиться → обманывать» квалифицируется как древняя, поскольку не имеет новых лексических репрезентантов; редкие случаи ее реализации – диал. шир. распр. *маніть* ‘лгать, обманывать’, калуж., орл. *маячить* ‘обманывать, плутовать’, диал. шир. распр. *блázніть* ‘обманывать, морочить’ – для своего обнаружения требуют обращения к семантическим связям слов на праславянском уровне. В некоторых случаях «расшифровке» «темных» лексем способствуют устойчивые мотивационные модели, представленные в рамках того или иного кода (например, новг. *чмуріть* ‘притворяться, обманывать’ было интерпретировано как сложение экспрессивного приставочного *ч-* и основы **muriti* ‘пачкать’ на основании существования продуктивной метафоры «загрязнять» → «обманывать», а также нескольких аналогий, реализующих эту метафору: смол. *чмутіть* ‘мутить’, ‘дурачить’ и чеш. *čmouľiti* ‘пачкать’ < **muliti* ‘загрязнять’).

ТРЕТЬЯ ГЛАВА «Семантико-мотивационный анализ обозначений любовной измены» посвящена отдельной тематической группе слов, формирующей один из смысловых секторов поля «Ложь, обман», – лексике и фразеологии обмана в любви. Эти языковые единицы имеют свою специфику как в семантическом, так и в мотивационном отношении, которая в целом описана во вступительном разделе 3.1. Она, главным образом, состоит в следующем: 1) актантная структура ситуации, задаваемая глаголом *обманывать* ‘изменить’, отличается от прототипической ситуации, задаваемой этим глаголом в остальных своих значениях, – в нее входит позиция третьего участника, в предложении требующего формы творительного падежа, – того, с кем агент обманывает пациента; 2) если обман обыкновенно совмещает в себе и ментальную, и поведенческую составляющие, требуя от субъекта и объекта обмана интеллектуальных усилий по его планированию и распознаванию соответственно, то измена максимально акциональна, и глагол *обманывать* ‘изменять’ относится к числу глаголов поведения; 3) значительная часть номинаций измен в любви содержит в своем составе указание на материальный предмет, который символизирует измену, ср., к примеру, новг. *наварить грибов* ‘изменить в любви’, пск. *рогатку дать* ‘то же’, том. *лапти плести* ‘обманывать (жену, мужа), изменять’ и др., соответственно, при мотивационном описании лексики и фразеологии измены ставилась задача расшифровки предметного символа, обозначение которого содержит номинация, т. е. установления причин, по которым данный предмет в традиционной культуре символизирует любовную измену.

В разделе 3.2 «Семантическая и мотивационная характеристика обозначений любовной измены» представлено детальное описание языкового материала. О существенности факта измены в традиционной культуре говорит как разнообразие идеограмм в говорах ('нарушить верность', 'нарушить супружескую верность', 'изменить мужу', 'изменить жене'), так и тот факт, что в языке находят отражение разные составляющие ситуации измены: номинируются действия человека, неверного в любви, участники ситуации – тот, кто изменил (субъект измены), и тот, кому изменили (объект измены), ср., например, яросл. *мыкаля* 'непостоянная в любви женщина', пск. *изменец* 'тот, кто изменил в любви' и курск., том. *изменённый* 'обманутый в любви', а также состояния объекта измены – от подозрений в измене до положения обманутого супруга, ср., например, пенз. *складывать кого-л. с кем-л.* 'ревновать, подозревать в измене (жену, мужа)', новг. *получить блин* 'узнать об измене любимого (-ой)', новг. *получить головёшку* 'пережить измену', омск. *выйти за общего мужика* 'быть женой неверного мужа'.

Особое внимание традиционного социума привлекает поведение, квалифицируемое как измена до брака: это случаи, когда один член сложившейся пары оказывает знаки внимания третьему лицу, прогуливаясь вместе, посещая с ним молодежные вечеринки, приглашая его в игры или на танцах и пр., ср., например, «Он тебе мост сделал, вчера Таньку провожал» <новг. *сделать мост* 'изменить в любви'>; «Я с ней гулял на беседках, а на другой вечер другую взял. Та получила сухару, которой изменил-то» <костр. *получить сухару* 'пережить измену в любви'>; «Парень ушёл с другой. Она на колуне ушла. Это измена сама настояща» <костр. *уйти на колуне* 'пережить измену в любви'>). Такие ситуации требуют общественной реакции – осуждения изменщика или, чаще, того, кому изменили, что влечет за собой репутационные потери для последнего (ср., например, «Вот зажгут гребенку на гулянке, она ярко горит, и у девки или у мальчика щеки горят от стыда, что им жгут рыжики» <пск. *рыжики жечь* 'нарушать верность'>). Реакция социума нередко ритуализирована и использует предметный символ измены. Номинации измены также могут иметь обрядовое происхождение и представлять собой свернутое описание обрядового действия, направленного на осуждение того, кто пережил любовную измену или иную любовную неудачу (в частности, отказ при сватовстве: любовная измена в ряде случаев «перенимает» круг образов и предметных символов этого ритуала).

Многочисленную группу в обозначениях любовной измены составляют метафорические выражения, содержащие указание на предметный символ измены или – шире – любовной или жизненной неудачи. Такие номинации нередко построены по модели «глагол действия (*сделать, устроить* и др.) или глагол передачи (*дать, подарить, повесить* и др.) + наименование предмета + указание на адресата (*кому-либо*)».

Анализ показал, что предметные знаки измены выражают в основном следующие идеи: отсутствие ценного содержания, «безжизненность» (признаки

пустого – полого или постного, ср. *труба*, а также *репа*, *редька*, *тыква*; сухого, ср. *сухара* ‘высохшее дерево’; увядшего, ср. *желтый цвет*; старого, ненужного, ср. *ошметки* ‘изношенные лапти’; негодного, «отгоревшего», бывшего в употреблении, ср. *головня*; угроза, опасность (острые, колющие предметы – *колун*, *веретено*; едкое вещество – *скипидар*); отгон (*лапти*, *веник*, *рогатка*), оскорбление с помощью символов мужского начала (*грибы*, *нос*, *борода*, *рога*).

Отмечается сходство в наборе мотивов, лежащих в основе номинаций измены и номинаций других обманных действий. Отступление от этических норм выражается посредством мотива непрямого движения, ср., например, курск. *колесить* ‘изменять жене’, тюмен. *мотунистый* (< *мотаться*) ‘непостоянный, нарушающий супружескую верность (о муже)’, а также костр., пск. *колесить* ‘врать, лгать’, яросл. *кружить* ‘врать, пустословить, болтать’, новг. *плутать* ‘хитрить, лукавить’); нечистоты (ср., например, р. Урал *подол нечистый у кого-л.* ‘намек на супружескую неверность, на развратное поведение кого-л.’, а также пск. *кадить грязным подолом* ‘распространять ложные слухи, сплетничать’). С образом продукта горения связывается представление о жизненной неудаче, которой является ситуация обмана и – в частности – любовная измена, ср. новг. *получить головёшку / собирать головёшки* ‘пережить измену’, *сгорела рига (баня, байна) у кого* ‘об измене в любви’, а также перм. *посадить на горячий пепел* ‘обмануть’. Некоторые символы обмана особо продуктивны и многозначны, ср. символический потенциал *носа* и *лаптей*: пск. *подставить нос* ‘изменить в любви’, новг. *показать (натянуть, сделать) нос кому* ‘то же’, а также пск. *наводить за нос кого* ‘обманывать, вводить в заблуждение, дурачить кого-л.’, разг. *оставить с носом* ‘обмануть, одурачить’; том. *лапти плести*, новг. *лапти сплести* ‘изменить в любви кому-либо’, а также арх. *лапти сплести* ‘обмануть, ввести в заблуждение’ и др.

Раздел 3.3 содержит основные выводы главы.

В ЧЕТВЕРТОЙ ГЛАВЕ «Семантико-мотивационная реконструкция отдельных слов и этимолого-словообразовательных гнезд с семантикой обмана» мы обратились к изучению отдельных «обманных» языковых фактов, рассматриваемых на фоне семантико-словообразовательных гнезд, в которые они входят. Выбор анализируемых слов обусловлен представляемым ими интересом с точки зрения этимологии и мотивации, развития семантики и функционирования в лексической системе. **В разделе 4.1** высказаны предварительные замечания относительно содержания главы и применяемых в ней аналитических процедур.

В разделе 4.2 прослеживается логика семантического развития гнезда, в основе которого находится заимствованное из старославянского языка слово *мытарь* (гнезда лексем с основой *мытар-* как в русском литературном языке, так и в говорах, где *мытарем* практически повсеместно называется обманщик, хитрый и нечестный человек, а глагол *мытарить* на широкой территории

имеет значение 'обманывать'). Языковой образ мытаря в говорах не ограничивается такими чертами, как хитрость и плутоватость, – и отличается от образа, транслируемого книжной культурой. Деривационное гнездо, возникшее в диалектах на базе лексемы *мытарь*, содержит слова, обозначающие физические и нравственные мучения; мученичество и святость; тяжелый труд и, наоборот, безделье; нужду; мотовство и др. В формировании этих и других смыслов принимают участие некоторые лексемы, фонетически близкие «мытарным», – дериваты корней *мот-*, *мут-*, *мыт-*, с которыми изучаемые слова вступают в контаминации.

Раздел 4.3 содержит попытку восстановления этимолого-словообразовательного гнезда дериватов праслав. **šavati*, обладающего семантикой передвижения. Его продолжения сохранились в основном в русских говорах, а также в немногих славянских языках. В это гнездо, в частности, входят несколько севернорусских слов с семантикой обмана: арх., олон. *шáвить* 'врать, болтать вздор', олон. *шавéть* 'болтать вздор, обманывать, лгать', олон. *шаву́н* 'обманщик', олон. *шав* 'обман', олон. *шаван* 'обманщик', олон. *нашави́ть* 'налгать', арх., олон. *нашáвить* 'наврать'. В разделе устанавливается логика развития семантики внутри гнезда и определяются причины появления в нем «обманных» смыслов.

В **разделе 4.4** обосновывается высказанное ранее в этимологической литературе (но не получившее подтверждения) мнение о происхождении слова *мазурик* 'жулик, мошенник' от названия этнографической группы поляков *мазуры*. Эта версия оспаривает наиболее популярную интерпретацию слова *мазурик* как принадлежащего гнезду глагола *мазать*. Доказательство «польской» гипотезы строится с опорой на языковой портрет мазура, рисуемый в русской языковой традиции, который сопоставляется с языковым стереотипом мазуров в языке-источнике (польском) и в языках (и фольклоре) тех народов, которые тесно контактировали с мазурами (украинском и белорусском).

В **разделе 4.5** предлагается версия происхождения влг. *калаушник* / *колоушник* 'сплетник; врун', которое входит в блок лексем с основой *калауш-* / *колоуш-*, связанных с отрицательно оцениваемым речевым поведением (ср. влг. *калау́шка*, *колоу́шка* 'о болтливом человеке', *калау́шничать* 'болтать, говорить без дела', пск., твер., новг. *колоу́шник* 'сплетник, наушник', пск., твер., новг., вят. *колоу́шничать* 'сплетничать, наушничать'). Доказывается, что эти слова можно интерпретировать как исконные образования на базе сочетания *коло* + *уши*: представляется, что они возникли с опорой на рисуемую их внутренней формой деталь картины распространения слухов – их устную передачу «в уши» следующим участникам цепочки. В говорах можно обнаружить, с одной стороны, примеры вхождения предлога *коло* в состав сложных лексем и многочисленные факты, демонстрирующие сосуществование начальных *кала-* и *коло-* в словах, распространенных на Русском Севере; а с другой стороны, примеры популярности образа ушей в обозначении процесса передачи сплетен.

На формирование изучаемых слов оказала влияние и аттракция со стороны нескольких сходных по фонетическому облику лексем «речевой» семантики, таких, например, как общенар. *наушничать*, влг., пск. *колотушка* ‘болтунья, выдумщица’.

Наконец, **раздел 4.6** содержит более краткие зарисовки, посвященные таким словам, как арх., влг., петерб. *древить* ‘лгать’, яросл., киров., забайк., свердл. *оту́рить* ‘обмануть’, пск., ворон. *обраховать* ‘обсчитать, обмануть’, новг. *сутóка* ‘сплетня’, свердл., том., хабар. *сомустить* ‘обмануть’, влг. *протáка* ‘обман, хитрость’ и др.

В **ЗАКЛЮЧЕНИИ** подводятся основные итоги, намечаются перспективы разработки данной проблематики.

ПРИЛОЖЕНИЕ являет собой словник, включающий собранный в процессе анализа поля языковой материал с паспортизацией, в том числе языковые факты, отсутствующие в основной части работы ввиду трудностей их интерпретации.

Основные положения диссертации отражены в следующих работах:

Статьи, опубликованные в рецензируемых научных журналах и изданиях, определенных ВАК РФ:

1. Кучко В. С. Обманщик и обманутый в зеркале русской диалектной лексики / В. С. Кучко // Русская речь. – 2013. – № 4. – С. 97–100. (0,3 п. л.)

2. Кучко В. С. «Зрительная» и «слуховая» метафора обмана в русской языковой традиции / В. С. Кучко // Известия Уральского федерального университета. – Сер. 2. Гуманитарные науки. – 2015. – № 1 (136). – С. 187–198. (0,75 п. л.)

3. Кучко В. С. «Вся неправда от лукавого»: о «магической» и «демонологической» мотивации в сфере лексики со значением обмана / В. С. Кучко // Антропологический форум. – 2016. – № 28. – С. 276–286. (0,5 п. л.)

4. Кучко В. С. Рус. *оправдываться, оправдание*: опыт диахронно-семантического портретирования / В. С. Кучко // Славянский альманах. – 2016. – С. 375–385. (0,65 п. л.)

5. Кучко В. С. К этимологизации диалектных омонимов: волог. *калаушка* / В. С. Кучко // Русский язык в научном освещении. – 2016. – № 2 (32). – С. 188–205. (1 п. л.)

6. Кучко В. С. Вокруг русского *мытарь*: о развитии семантики слова и его системных связях в различных формах существования языка / В. С. Кучко //

Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2016. – № 4 (36). – С. 31–39. (0,9 п.л.)

Другие публикации:

7. *Кучко В. С.* Пространственный код в лексико-фразеологическом поле «Обман» / В. С. Кучко // Слово в традиционной и современной культуре : тезисы III межвузовской конференции молодых ученых (Екатеринбург, 21 мая 2011 г.) / редкол. О. В. Атрошенко, Е. О. Борисова, Е. С. Коган и др. – Екатеринбург : Урал. гос. ун-т, 2011. – С. 47–49. (0,15 п. л.)

8. *Кучко В. С.* Русская диалектная фразеология со значением измены в любви: мотивационный аспект / В. С. Кучко // XIV международная научная конференция студентов-филологов : тезисы. – Часть III. – Санкт-Петербург : СПбГУ, 2011. – С. 52–53. (0,25 п. л.)

9. *Кучко В. С.* О системных отношениях в сфере русской диалектной лексики и фразеологии со значением обмана / В. С. Кучко // Национально-культурный и когнитивный аспекты изучения единиц языковой номинации : материалы международной научно-практической конференции (Кострома, 22–24 марта 2012 г.). – Кострома : КГУ, 2012. – С. 284–286. (0,15 п. л.)

10. *Кучко В. С.* Фразеология со значением измены в любви в русских говорах / В. С. Кучко // *Linguistica Juvenis* : сборник научных трудов молодых ученых. – 2011. – Вып. 13. – С. 83–94. (0,5 п. л.)

11. *Кучко В. С.* Субъект и объект обмана в зеркале языковой номинации (на материале русских народных говоров) / В. С. Кучко // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология : материалы II Междунар. науч. конф. : в 2 ч. (Екатеринбург, 8–10 сентября 2012 г.) / отв. ред. Е. Л. Березович. – Екатеринбург : Изд-во Уральского университета, 2012. – Ч. 2. – С. 65–67. (0,2 п. л.)

12. *Кучко В. С.* Явление множественной мотивации в лексике семантического поля «Обман» / В. С. Кучко // Слово в традиционной и современной культуре : тезисы IV межвузовской конференции молодых ученых (Екатеринбург, 18 мая 2013 г.) / отв. ред. М. Э. Рут. – Екатеринбург : Изд-во Уральского университета, 2013. – С. 37–39. (0,2 п. л.)

13. *Кучко В. С.* К изучению семантических связей русских диалектных глаголов со значением обмана / В. С. Кучко // Слово в традиционной и современной культуре : тезисы V межвузовской конференции молодых ученых. (Екатеринбург, 17 мая 2014 г.) / отв. ред. М. Э. Рут. – Екатеринбург : Изд-во Уральского университета, 2014. – С. 31–33. (0,15 п. л.)

14. *Кучко В. С.* К семантико-мотивационной интерпретации русских диалектных глаголов со значением 'говорить правду' / В. С. Кучко // Вторые Громовские чтения. Русские народные говоры: прошлое и настоящее : сборник материалов и исследований всероссийской научно-практической конференции (Кострома, 17–18 октября 2014 г.) / сост. Н. С. Ганцовская. – Кострома : КГУ им. Н. А. Некрасова, 2015. – С. 270–277. (0,44 п. л.)

15. *Кучко В. С.* Мифологический код в русской диалектной лексике со значением обмана [Электронный ресурс] / В. С. Кучко // Антропология. Фольклористика. Социоллингвистика. Конференция студентов и аспирантов : сборник тезисов (Санкт-Петербург, 26–28 марта 2015 г.). – С. 45–48. Режим доступа: https://eu.spb.ru/images/et_dep/asf4/TEZISY_ASF2015.pdf (0,25 п. л.)

16. *Кучко В. С.* К изучению семантических связей лексики со значением обмана: «игровая» и «смеховая» мотивации / В. С. Кучко // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология : материалы III Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 7–11 сентября 2015 г.) / отв. ред. Е. Л. Березович. – Екатеринбург : Изд-во Уральского университета, 2015. – С. 162–165. (0,16 п. л.)

17. *Кучко В. С.* Обман и обманщики в говорах вологодско-костромского пограничья / В. С. Кучко // Живая старина. – 2016. – № 2 (90). – С. 52–55. (0,5 п. л.)